

Далия Трускиновская Жонглер и Мадонна

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129842

Аннотация

Знаешь легенду? – спросил он и сразу же перешел к этой легенде. – В средние века один жонглер ушел в монастырь. Видит, один монах поклоны бьет, другой по-латыни шпарит, третий там больных лечит, и все стараются перед статуей Мадонны. А что он может? Вот он взял свои шарики, выбрал время, когда никого поблизости не было, встал перед Мадонной и начал кидать. Час кидает, два кидает. Сделал все, что умел. И то, что раньше не умел, тоже получилось. Чувствует – все, сил нет! Свалился. Пот градом, в глазах зеленые звездочки... И тогда Мадонна встала, сошла с пьедестала и вытерла ему лоб своим покрывалом...

Далия Трускиновская

Жонглер и мадонна

повесть

Когда гостиница «Палладиум», расширяясь, получила в свое распоряжение два верхних этажа соседнего дома, обнаружился небольшой сюрприз.

Фасад этого дома украшали три башенки в псевдоготическом стиле. Две крайние, с бочку величиной, облюбовали голуби. Администрация полагала, что и средняя башенка с двумя узкими стрельчатыми окнами ни на что больше не пригодна. Но при ремонте новых владений оказалось, что там вполне можно устроить однокомнатный номер.

Он-то и достался Ивану.

Сперва Иван, даже не распаковывая чемоданов, пошел отказываться от номера. Он очень недовольно перечислил отсутствие лифта, заедающий замок и сквозняки.

– У нас скоро освободится кое-что на втором этаже, – многозначительно сказали Ивану.

По опыту долгих странствий Иван знал, что от него ждут реплики вроде: «Ну, я в долгу не останусь...» Но мысль о процедуре обмена мятой банкноты на ключ внушала ему некоторое омерзение. Поэтому он не расцвел белозубой улыбкой, а довольно пасмурно сказал «спасибо» и ушел.

– Да-а... – очень критически оценила Ивана администрация. – И рожа – брюзгливая...

Очень скоро выяснилось, что Иван – «заслуженный» и «лауреат международных». Ему вполне бескорыстно предложили ключи от «люкса» на втором этаже. Но он ни с того ни с сего переезжать отказался.

Номер Ивану в конце концов понравился вот чем. Когда он подходил к окну, казалось, будто башенка сорвалась с дома и летит над городом. Он даже чувствовал угол ее наклона в этом полете. Внизу плыли острые черепичные крыши, узкие дворы, флюгера на таких же башенках и небольшие мощеные площади.

Очевидно, отсюда родом была та музыка, которую Иван в последнее время очень уважал.

В его несложном хозяйстве, кроме одежды и необходимых вещей, имелись: чугунный подсвечник, книга в бархатном переплете, электрический самовар и кассетный магнитофон. Они очень быстро прижились в башенке, подсвечник встал у изголовья, а книга в потертом малиновом бархате, толщиной с хозяйское предплечье и весом в добрых три кило, с тусклыми медными застежками, легла на прикроватной тумбочке.

Книгу Иван смастерил лет шесть назад из переплета от фамильного альбома, вставив в него листов двести плотной желтоватой бумаги. Такая почтенная книга вполне соответствовала его педантичности в том, что касалось работы. Служила она для репетиционных планов и зарисовок новых трюков. Каждый вечер перед тем, как попарить руки в содовой ванночке и лечь спать, Иван сверялся с планами, отмечал сделанное, вносил коррективы и рисовал схемы с шариками и стрелочками.

Самовар хорошо бы встал на подоконнике, но, будучи сломан еще в Новосибирске, лежал в контейнере. Кассетник же постоянного места не имел. Иван называл его Мэгги и всюду таскал с собой.

Как-то бойкая девица упрекнула Ивана в полной музыкальной безграмотности. Иван приобрел кассетник и созвонился с двоюродным братом, владельцем приличной фонотеки. Тот стал переписывать для него с пластинок классику, причем Иван и тут блеснул методичностью. Он начал с мотетов и мадригалов шестнадцатого века. И они ему понравились настолько, что дальше он так и не продвинулся. А бойкую девицу забыл окончательно и бес-

поворотом – она осталась в одном из тех тридцати городов, которые он посетил за последние годы.

Мэгги сопровождал Ивана в течение дня и все время тихо мурлыкал – Иван совершенно не выносил шума, считая, что свою дневную порцию децибелов он получает каждый вечер на представлении.

Еще в комнате были мячи.

Те, с которыми Иван репетировал и работал в манеже, на ночь складывались в чемодан и запирались в гримуборной. Он никогда не брал в гостиницу свой рабочий реквизит. А эти хранились еще со времен училища и странствовали вместе с хозяином в старой спортивной сумке. Хотя хозяин мог месяцами к ним не прикасаться.

Когда-то у мячей были имена. Доставая их из сумки, Иван мог бы вспомнить, кого, как и почему именно так звали. Только доставать их было незачем. Он давно работал с более крупными, привык к ним, а эти проживали в номере скорее на правах талисмана.

Остальным вещам Иван не придавал особого значения, без волнения их приобретал и без проблем расставался.

Как раз назрела необходимость поменять будильник, но Иван все откладывал покупку – оказалось, что в башенке его прекрасно будит солнце.

И в тот день оно тоже исправно его разбудило.

Несколько секунд он пролежал, улыбаясь. Потом первым же движением включил Мэгги.

– Аве, Мария... Аве, Мария... – принялся повторять на все лады высокий и скорбный женский голос. Эта молитва настолько не соответствовала утру и солнцу, что Иван немного перемотал ленту и успокоился на грациозном ричеркаре. Затем он встал, потянулся и подошел к открытому окну.

Там, за немытым окном, всюду разгулялся горячий свет. Иван раздернул шторы. Две широкие золотые волны залили комнату. Башенка поплыла в невообразимо голубое небо.

Выбежав на улицу, Иван прямо с гостиничного порога ухнул в огромную лужу – еще вчера ее здесь не было. Лужа нестерпимо сверкала. Тротуар у гостиницы был огорожен – таяли гигантские сосульки.

Иван не заметил, как добежал до цирка.

Страшно хотелось работать.

Он уже направился было в гримерку, но вспомнил, что нужно довести до конца одно важное дело.

Лицо его мгновенно приняло обычное недовольное выражение. Мало того, что всякие бытовые заморочки раздражали Ивана, так он еще терпеть не мог выступать в роли просителя.

Выключив Мэгги, Иван кивнул вахтерше и направился к кабинету главрежа.

* * *

Главреж был в кабинете один. Он с кем-то весело и громко говорил по телефону, правой рукой держа трубку, а записывая почему-то вкривь и вкось левой.

Поздоровавшись, но не получив приглашения сесть, Иван демонстративно остался стоять, даже не делая вида, что разглядывает от скуки фотографии на стенах.

– Помню, все помню! – вдруг радостно сообщил ему главреж, прикрыв трубку ладонью. – Завтра же уладим!

Из чего Иван понял, что о нем в очередной раз забыли.

– Если сегодня же не будет вызван художник, я вечером не работаю, – спокойно заявил Иван.

– Тогда, голубчик, инспектор манежа попросту напишет на тебя докладную... – начал было главреж с благодушной улыбкой, но тут же и осекся – такой пристальный и тяжелый взгляд ощутил на себе.

– Я не по пьяной лавочке костюм порвал, – только и сказал Иван, гася свой испытанный в неурядицах взгляд.

Выглядел-то он не очень внушительно – высокий, тонкий, да еще на виске светился багровый, рваный, плохо заживающий и не поддающийся никакому гриму шрам. Сознавая это, Иван выучился внушать к себе почтение подчеркнутой немногословностью и сурово-уверенной повадкой. Впрочем, сам он, будучи артистом, всегда хорошо знал, когда переигрывает.

– Постой, – сказал, подумав, главреж. – Ты две минуты можешь подождать?

И, быстренько свернув разговор, стал накручивать диск.

– Але? Позовите Майю! – и, услышав ответ, он разулыбался. – Это ты? Не узнал, разбогатеешь! Нет, действительно разбогатеешь, нужен срочно эскиз мужского костюма! Приходи посмотреть номер...

Иван, прислонясь к шкафу, слушал совершенно бесконечный режиссерский монолог, понемногу проникаясь злостью. Не только на безалаберного главрежа, конечно, а еще и на осветителей, с которыми сегодня предстояла очередная разборка. При этом он морщился, потому что резьба шкафа неприятно задела шрамы на спине. Да и этот, на физиономии, – тоже не Бог весть какое приобретение, всю жизнь его теперь замазывай... Иван даже с каким-то удовлетворением нагнетал дурное настроение перед встречей с осветителями, и вдруг еле сдержал улыбку – а ведь опять он вытворил такое, чего никто другой сделать не смог!

Но, поскольку улыбка у Ивана была быстрая и нервная, главреж вполне мог принять ее за легкую гримаску боли.

– Договорился! – сказал главреж так, будто покорил Эверест. – Сегодня после представления к тебе придет художница. Разбирайся с ней сам, а мы по эскизу за три дня сварганим тебе новый костюм.

– Спасибо, – быстро сказал Иван, не ожидая подробностей – Хочется верить, что так и будет. До свидания.

С тем и вышел.

Проходя мимо старенькой вахтерши, он стремительно поздоровался и ускорил шаг, но она окликнула его и звала до тех пор, пока он, поморщившись, не вернулся к ее окошку. Время-то поджимало, все одиночники уже вышли на манеж, страшно хотелось работать.

– Ты что о Леночке не спросишь? – напустилась на него вахтерша. – Тебе не интересно, что врачи говорят? Ни разу не позвонишь, не зайдешь...

– И без меня найдется, кому звонить, – объяснил Иван. Он имел в виду – полон коллектив женщин, они любят в больницу с передачами бегать.

И собрался удирать, но вахтерша опять высунула в окошко голову, повязанную поверх теплого платка кокетливой газовой косынкой.

– Стой, тебе говорят! – сердито сказала она. – Я вчера тебя смотрела.

– Ну и как? – с торопливой вежливостью спросил Иван.

– Мельчишь! Набросал, набросал своих корючек, опомниться зрителю не даешь, новые корючки лепишь. Вот Кисс в манеже был – король! Знал себе цену. Не суетился...

– Спасибо, Софья Леонидовна, – ошарашенно поблагодарил Иван. Насчет корючек все было, пожалуй, справедливо. Он и сам чувствовал, что в номере накопилась всякая дребедень и беготня. Но словечко «мельчишь» ему очень не понравилось – чем бы он такое заслужил?

Буквально из воздуха возник у проходной черноусый человек и хлопнул Ивана по плечу.

– Вах! Шайтан! – с неподдельным изумлением в голосе приветствовал его Иван. При чем изумление было отработано почти по Станиславскому.

Странное дело – хватило одного осетина в коллективе, чтобы все, включая малых детей, заговорили с отчаянным кавказским акцентом. Это была очередная маленькая мода замкнутой группы людей, и даже стойкий к таким поветриям Иван ей поддался.

Осетин Гриша, уже с природным акцентом, пожаловался на гнедого ахалтекинца Абджара, на ушедшего в запой конюха Тетерина, еще на сквозняки, и ушел. Он репетировал с джигитами рано, сразу же после николаевских тигров, и уже освободился.

В примерке Иван натянул древнее тренировочное трико, открыл чемодан и про себя поздоровался с красными мячами, а с одним – особо.

Давным-давно, когда Иван переделывал номер, ему изготовили новенький реквизит. Но один из мячей первым делом потерял опоясывающую его серебряную полоску, остался только маленький хвостик. Ивану стало жаль беднягу. Полоску он навел серебряной краской, прозвал обиженный мяч Хвостиком и специально для него ввел в комбинацию новое начало, где Хвостик исполнял соло на локтях Ивана. Потом Иван решил, что Хвостик приносит удачу, и самые сложные трюки начинал с него.

Иван нашел на манеже подходящее место, вынес стояк с булавами и кольцами, поставил на барьер сумку с мячами и включил Мэгги погромче. Музыка была – все те же внушающие бодрость ричеркары Андреа Габриэли.

Эти три часа манежного времени предназначались одиночникам. Рядом антиподистка Наташа, лежа на тринке, ссорилась с мужем-ассистентом, который не мог удачно закинуть расписной бочонок на ее длинные-длинные ноги в мягких белых сапожках, устремленные вверх. Эквилибрист Еремеев то и дело валился с пирамиды катушек – тоже пробовал что-то неслыханное. Несущиеся по кругу хитрым клубком клоуны норовили сбить Ивана с ног.

Но через несколько минут он уже ничего не слышал, кроме Мэгги, и ничего не видел, кроме мячей.

Иван охотился за крайне важным для него ощущением – когда рук как бы нет, а мячи не взлетают-опускаются, но висят над запрокинутым лицом наподобие облака, колеблясь в неустойчивом равновесии. А сам Иван чтобы удерживал в воздухе это облако не ловкостью рук, а силой своего напряженного взгляда.

Это бывало с ним часто, случилось и на сей раз. Но сколько продлилось – он не понял, потому что от мелькания искр на серебряных ободках вдруг ошалел и растерял все свое облако.

В какой-то газетной рецензии мячи сравнили с метеорами. Иван подумал – и придумал маленькую вселенную из девяти красных планет, которая зависает над ним, ее творцом, в стремительном вращении. От одного его взгляда зависела ее судьба. Он ее создавал не несколько минут и отправлял в небытие. Если же пойти дальше, на каждой планете могло быть свое маленькое человечество...

Он рисковал миллиардами судеб. Облако опускалось все ниже, планеты мелькали все быстрее, ощущение власти и силы делалось все острее... и ехидный Хвостик стукнул Ивана по лбу. Планеты, вредничая, разбежались по всему манежу.

Это баловство с облаком было просто разминкой и к отлаженному номеру не имело отношения. В работе Иван баловства не допускал.

За кольца он взялся с неохотой. Приходилось беречь руки. Кожа между большим и указательным за много лет загрубела, но от больших нагрузок появлялись болезненные трещины, лечить которые – морока.

Потом Иван поставил кассету с музыкой номера и дважды прогнал его от начала до конца. Раздражали новые булавы. Иван сам вытачивал ручки в столярной мастерской и учел

вроде бы каждый миллиметр, но они получились чуть тяжелее старых. Он уже не первый день пытался приспособиться к их норову и наконец разозлился.

А вот сделаю сейчас с места сорок темпов – сказал он себе. И, не переводя дыхания, сердито запустил повыше пять булав. Сорок темпов одолел с пятого захода и вытер лоб.

Тринки рядом уже не было, а ходили ребята в махровых халатах и устанавливали маленькие трамплины. Три часа пролетели слишком быстро, а ему по плану из бархатной книги полагалась еще работа с кольцами – всего с тремя, но они вращались над головой в вертикальной плоскости вокруг своей оси, успевай только подкручивать! Иван искал такую высоту и такой ритм, чтобы высвободить время и пространство еще для двух колец. Такую пятерку до него еще никто не кидал.

Ивана выжили с манежа в форганг, потом и вовсе за кулисы. Тут он почувствовал, что неплохо бы и пообедать. Утренняя репетиция завершилась.

Потом были его законные два часа на топчанчике в гримерке – с «Королевой Марго» и Мэгги. Иван старательно осваивал придуманный шестнадцатый век под лютневые перезвоны и оторвался от книги только ради чаканы Ганса Найзидлера. Он терпел ее увесистое начало с глухими, словно уходящими в землю аккордами ради прелестной мелодии, возникающей вслед за пасмурной темой.

В половине пятого он натянул трико, спустился в манеж, работал там до семи и допрыгался – увидел входящего в зал первого нетерпеливого зрителя.

Похватав свое имущество, Иван метнулся в форганг и чудом не сбил с ног ошарашенного униформиста.

Через полчаса, в костюме и загримированный, со связкой воздушных шаров в одной руке и гигантской картонной ромашкой в другой, он уже маршировал по манежу в парад-прологе. Потом сходил за чемоданом, вплотную перед выходом роздал мячи, кольца и подставку для булав униформистам, а потом совсем некстати вспомнил, что забыл поругаться с осветителями.

Титулы и фамилию Ивана объявляли после эффектного выхода.

– Раз, два, три, четыре! – вслух отсчитал Иван и, запуская перед собой в воздух булав, побежал к звезде в центре манежа, а вместе с ним понесся луч желтого цвета.

Но выступление не заладилось. Оркестр спешил, осветители, не получив взбучки, отставали. Хуже того – Иван перестал чувствовать предметы. Даже мячи.

Нет, не случилось ни одного завала. Он все-таки был профессионалом. Просто предметы летели Бог весть куда, может – в руки, а может, и нет. Номер сложился из серии счастливых случайностей и совпадений. Таких милостей Фортуны Иван не выносил.

Мучительные семь минут кончились. Иван не желал выслушивать незаслуженные аплодисменты и поскорее убрался с манежа. Никакими силами не удалось выгнать его на повторный поклон. Он отругнулся и ушел наверх, в гримерку. Там он выполз из влажного от пота костюма, кинул его на перекладину и уселся в плавках перед зеркалом, вытираясь махровым полотенцем. Мэгги заворковал с середины меланхолический французский танец турдьон.

– Получше ничего не придумал? – спросил его Иван и скорчил страшную рожу. Но серые глаза посмотрели на него из зеркала совсем замучено. Семь минут номера выматывали больше, чем три плюс три часа репетиций. Иван попытался придать физиономии мужественную бодрость – сдвинул густые брови, сжал губы, да какое там...

Не рожи ему нужно было корчить, а немедленно получить какую-то компенсацию за неудачу, заполучить хоть крошечную победу. И сегодня же, иначе хоть спать не ложись. Но какую?

Если сейчас напиться – прощай завтрашняя репетиция и представление с ней вместе. В гости он, пожалуй, пошел бы и блеснул за столом байками о своих заграничных гастро-

лях. Средство испытанное, но в коллективе давным-давно образовались кружки, семейные и холостяцкие, один он не у дел. А брести выпрашивать у кого-то полчаса общения – невозможно.

И тут в дверь постучали.

– Открыто! – сказал Иван.

На пороге появилась женщина в пятнистой шубке с капюшоном. Ее лицо до самого носа было закрыто шарфом.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я насчет костюма.

– Вы художница? – сообразил Иван. – Ну так что же вы стоите? Раздевайтесь!

По ее легкому замешательству он решил, что женщина из тех, кем легко командовать.

– Совсем раздеваться? – ехидно поинтересовалась женщина. Иван понял, в чем дело.

Он накинул халат и завязал пояс.

– Вячеслав Андреевич сказал, чтобы я немедленно все обсудила с вами, – сказала художница.

– Вы номер смотрели?

– Смотрела.

Иван насторожился в ожидании незаслуженных комплиментов. Но она вдруг показала рукавичкой на старый костюм, свисавший с перекладины.

– А чем же этот вас не устраивает?

– Он скоро по швам расползется, – буркнул Иван.

– Можно посмотреть?

Иван снисходительно продемонстрировал голубой бифлексовый комбинезон. Художница осторожно тронула замохнativшуюся влажную парчу аппликации.

– Впору выкручивать... – задумчиво произнесла она.

– Так вы разденетесь или нет? – сварливо поинтересовался Иван, у которого не было настроения слушать речи о трудовом поте артистов.

– А я вас не испугаю? – вдруг смущенно спросила она. – У меня, видите ли, флюс, щеку перекосило, рот набекрень...

– Не испугаете, – Иван невольно улыбнулся.

Он помог художнице раздеться.

Ростом она была лишь немного ниже Ивана, стройная, грим употребляла яркий. Иван с трудом разглядел, что под мохнатыми ресницами в обрамлении резких черных полосок туши – серые, как у него самого, глаза. И одета она была довольно ярко. Длинные распущенные темно-русые волосы падали вдоль лица – явно с целью замаскировать флюс.

– Очень видно? – поймав его взгляд, озабоченно спросила художница.

– Не страшно, – успокоил Иван. – Вас Майей звать? Точно. А мое имя вы прочли в программке. Ну вот, номер вы уже видели, мой образ в манеже представляете. Костюм, по моему, должен быть голубым или бирюзовым. Можно салатовым. Ни в коем случае красным.

– Естественно, – согласилась Майя. – Ковер на манеже обычно красный, вы на нем потеряетесь.

Тут Иван заметил, что у нее на юбке разрез до самого бедра, а в разрез видны ноги – не хуже, чем у антиподистки Наташи.

– Вот именно, – одобрительно кивнул Иван, имея в виду, скорее всего, ноги. – Значит, и оранжевый с бордовым вряд ли подойдут. Мой старый, как видите, черный, но это страшно непрактично – я, когда кульбиты делаю, всю пыль с манежа на себя собираю. Аппликации – это на ваше усмотрение. Я длинный, так что не бойтесь поперечных линий.

По лицу Майи Иван прочитал что-то вроде «раз вы такой умный, то и рисуйте сами!» Но художница воздержалась от колкостей. Она поступила куда хуже – воззрилась туда, где в углу висело на краю перекладины несуразным комом лазоревое с блестками.

– А вон то – разве не костюм?

– Костюм, – резко ответил Иван. – Только недействительный.

Он давно уже собирался затолкать парчовые лохмотья в контейнер, чтобы на досуге спороть с них дефицитные камни и блески. Оставил, конечно, на видном месте, даже старым халатом не прикрыл...

– Когда принести эскиз? – спросила Майя и встала. Разрез на юбке сомкнулся.

Такого быстрого прощания Иван не ожидал. Он был уверен, что Майя найдет предлог задержаться в гримерке. Это бы в какой-то мере отвлекло от сегодняшней неудачи. Женщина...

– А как вы его себе представляете? – вдруг спросил Иван. – Да вы сидите, сидите, бумага и фломастеры у меня есть, сейчас достану...

Он молча следил, как возникают длинные, небрежные, приблизительные линии, и как будто слышал: «поскорее бы отвязаться...» Не выйдет, думал Иван, ты у нас дама вполне управляемая, и ты останешься здесь, со мной. Мне так надо!

Судя по всему, Майя была свободным человеком – руки не попорчены домашним хозяйством, маникюр безупречный, кольца – всякие разные, только обручального нет. Возраст ее Иван определил от двадцати семи до тридцати. Может, они даже были ровесники. Она же увлеклась рисунком и уже пускала по комбинезону орнамент.

– Я схожу в душ, – заявил Иван. – Это быстро.

Он даже не просил ее подождать, а просто вышел. Теперь она уж точно останется еще на полчаса, а дальше видно будет.

Под душем Иван подумал – если эта затея все-таки сорвется, надо будет хоть полчаса покидать шарики в манеже для душевного успокоения. Ночью манеж уж точно был свободен. Тигриную клетку все равно оставляли для утренних репетиций Николаева, а между тяжелых тумб только Иван и умудрялся кидать свои мячики. До купола места хватало...

В соседнем отсеке фыркал под душем велофигурист Сашка – красавец и балбес.

– Сашик, поможешь? – попросил Иван. Парень, еще в клочьях пены, осторожно, мелкими и аккуратными движениями, протер намыленной мочалкой его спину.

Когда Иван возвращался из душевой, вытирая на ходу голову полотенцем, к нему подошел Вадим, джигит из номера осетина Гриши, и взмолился:

– Слушай, выручи! А?

– Сколько? – кисло осведомился Иван, решив, что речь о деньгах.

– Да нисколько. Жена с мелким приехали. В гримерке кавардак. Приюти ящик на ночь, а? Утром же заберу. Валета, сволочь пятнистую, девать некуда, на ночь в гримерке запираю, он там и безобразничает. Приютишь?

– Валяй! – позволил Иван. Вадим сразу же кинулся к себе за ящиком и Иван услышал, как он костерит на все лады Валета – юного и гораздоного на пакости дога. Валет отлаивался.

Иван внес в гримерку здоровый ящик и потянул носом. Майя без него выкурила пару сигарет. Ему это настолько не понравилось, что он вытащил из-за зеркала роскошную табличку «У нас не курят» и выставил на видное место.

– Давно бросили? – поинтересовалась Майя.

– Еще в Магнитогорске, – буркнул Иван, глядя в угол. Ему показалось, что лазоревый костюм висит вроде не так, как он его оставил. Меньше всего Ивану хотелось объяснять сейчас, почему костюм изодран в клочья и чья это на нем засохла кровь.

Но Майя, даже если она и разглядывала тайком костюм, ничем себя не выдала.

– Почему именно в Магнитогорске? – спросила она.

– А там заводских труб прорва! – растолковал Иван. – Весь горизонт за цирком в трубах. Из одной черный дым валит, из другой серый, из третьей вообще оранжевый. Я на них смотрел, смотрел и плюнул. Что я, тоже труба, что ли?

– Вот так сразу и завязали? – не поверила она.

– Иначе нельзя.

– А я и не пытаюсь, – сказала Майя. – Сидишь в обществе с сигаретой – никто не пристает. Все уважают. Видно ведь – женщина курит, молчит и думает.

Иван опять покосился на разрез юбки. Нога на ногу и сигарета в зубах – да, по-киношному эффектно.

– Ну, что у вас получилось? – спросил он. – Да вы не торопитесь, а я быстренько переоденусь.

Она кивнула и вместе со стулом повернулась к нему спиной.

Натянув джинсы и свитер, Иван нажал рычажок Мэгги.

– Знаю, – прислушавшись, сказала Майя. – «Зеленые рукава». У меня тоже есть...

Иван склонился над изрисованными листами.

– Вы мне их не оставите? – вдруг попросил он. – Вот это возьмите, это и будет окончательный вариант, а эти я заберу.

– Конечно, берите, только зачем вам такая мазня? – искренне удивилась Майя.

– Для истории. Их у меня через двадцать лет питерский музей с руками оторвет, – без тени улыбки сказал Иван.

В быту он старался отмежеваться от того победительного красавца, каким делался на манеже. Своих фотографий не любил. И плохо представлял, как в последнее время выглядит в работе. А Майя это уловила. И еще – она нечаянно изобразила очень красивый кусочек комбинации для мячей. Если развить ее мысль, то можно эффектно подойти к сложному трюку, который Иван, как полагалось по плану, собирался в этом году отрепетировать и выпустить. Эскиз ему понадобился, чтобы вклеить в книгу, но не объяснять же Майе!

– А интересно бы выпускать журнал цирковых мод... – вдруг заявила Майя. – Настоящий, профессиональный...

– Имеет смысл, – усмехнувшись, согласился Иван и, к вопросу о модных журналах, рассказал, как во время давних сингапурских гастролей тот, кто отвечал за общую нравственность, попросил в гостинице китайца-коридорного принести ему в номер модный журнал. Не владея китайским, он тыкал пальцем в картинки другого модного журнала – и китаец, естественно, привел ему трех соответственно одетых дам легкого поведения... Рассказывал Иван не впервые, разработал ударные фразы, и эта история уже лет десять производила отличное впечатление. Майя, забыв про флюс, хохотала.

Верхний свет Иван убрал, поставил на стол тарелку с грецкими орехами и сам их щелкал для гостыи, зажимая по два в кулаке. Он достал довольно свежую, всего полугодовой давности, газету, где к рецензии прилагалось фото в лазоревом костюме, мир праху его... Потом рассказал еще историю – о похождениях заблудшего контейнера. Майя тоже что-то рассказала из своих приключений, Иван вывел разговор на литературу – оказалось, у нее есть та книга, которую он много лет назад не дочитал. Майя дала свой телефон, Иван записал, беседа продолжилась. И в какую-то секунду, поймав взгляд Майи, уловив, как она всем телом подалась вперед, Иван решил, что она уже ждет... Незаметно протянув руку, он потушил гримировальную лампу.

В тишине и темноте громче зазвучала музыка – похоже, Монтеверди... Иван взял Майю за плечи, подождал мгновение, цепко притянул ее к себе и поцеловал медленным долгим поцелуем, на который она в конце концов ответила.

Потом они с минуту сидели и молчали, обнявшись.

– Иван, нельзя же так... – прошептала Майя, вдруг опомнившись и высвобождаясь.

– Тебе неприятно? – обиженно сказал Иван.

– Я так сразу не могу. Я лучше пойду, – сказала встревоженная Майя и резко встала. – Уже поздно. Чего доброго, домой не попаду. У меня автобус только до половины первого.

– Никуда ты не пойдешь, – спокойно возразил Иван.

– Это почему?

– Цирк уже заперт на ночь. Теперь отсюда без большого скандала не выберешься.

– Так вот зачем ты мне зубы заговаривал! – возмутилась Майя. И много чего еще сказала – гневного и справедливого.

Иван, зная, что даже самая кроткая женщина в такой ситуации должна высказаться, не обращал внимания не упреки и стягивал свитер.

– Я тебя серьезно прошу не делать глупостей! Со мной такие штуки не проходят! – говорила между тем Майя. Он опять обнял ее, но она стала сердито отбиваться и, изловчившись, так оттолкнула его, что он потерял равновесие и налетел на высокий фанерный кофр. Стоявший на кофре ящик Вадима свалился, а его содержимое с грохотом, треском и звяком разбежалось по гримерке. Иван от ужаса ругнулся – кто его знает, что там, в ящике было? И зажег свет.

На полу лежали игрушечный грузовик, Буратино, кубики, пластмассовые блоки «конструктора», заводные звери и остатки какой-то большой, сложной и до конца разломанной игрушки. Они словно свалились в холостяцкую гримерку из иного мира.

– Это еще что такое? – изумилась Майя. – Иван, у тебя что, ребенок есть?

– Какой там, к черту, ребенок! – буркнул, успокаиваясь, Иван. – Это Вадим спрятал, чтобы Валет не погряз...

Майя присела на топчан, молча разглядывая игрушки. Иван сгреб их в ящик, пристроился рядом, опять потушил свет и обнял ее, но осторожно.

– Только не приставай, – попросила Майя. – Слышишь? Не надо...

И сама положила голову ему на плечо.

Ивану тоже что-то стало невесело.

– Хорошо, – ответил он. – Не буду. Давай лучше ляжем и попробуем уснуть. Все равно мы теперь отсюда до утра не выберемся. Ты накроешься своей шубой, а я дубленкой.

Так и сделали. И действительно минут пятнадцать пролежали, не двигаясь и стараясь дышать как можно бесшумнее. Потом Иван не выдержал, склонился над Майей, и она опять ответила на его поцелуй. И сразу же, словно вспомнив о чем-то, стала спихивать его с топчана.

Такая непоследовательность разозлила Ивана. Он сбросил на пол и шубу, и дубленку, и валик, заменявший подушку. Но побороться пришлось-таки. Майя не кричала, не кусалась и не царапалась, а сопротивлялась молча и со знанием дела. Она даже чуть не встала на борцовский мост, чтобы, вытолкнув Ивана вверх, сбросить его на пол. Но он вовремя сориентировался.

Вся эта возня стала Ивану надоедать, когда он вдруг почувствовал, что победил, дело за немногим... Майя прекратила всякое сопротивление. Она принимала его короткие и торопливые ласки, не отвечая на них но и почти не уклоняясь. Она лишь слегка выгнула спину, когда он запутался в ее скомканной одежде, и опять молча опустила на овчину. И в самый неподходящий момент Иван услышал сказанные в пространство негромкие и странные слова:

– Ну и черт со мной...

Все это было стремительно, бездумно и лихорадочно, а потом Иван ощутил сквозняк из окна и сбившуюся овчину под голым боком. Он посмотрел на Майю – она не двигалась и не пыталась чем-нибудь накрыться. Ивану хотелось завернуться во что-нибудь теплое и заснуть, но он был не один – о женщине, с которой пять минут назад разрядил напряжение, нужно было хоть как-то позаботиться.

– Ты не замерзнешь? – наконец спросил он.

– У меня зуб ныть начинает, – ответила Майя.

- Тем более нужно накрыться, – и Иван деловито закутал ее в шубу.
- У тебя нет анальгина?
- В гостинице.
- А я дома забыла... Черт знает что! Который час?
- Три, – ответил он, прикидывая, сколько осталось на сон. – Ложись. Конюхи придут только в шесть. Раньше ты не выберешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.